

Л.И. Василенко

За что ненавидят отца Александра Меня

Оп.: НГ-религии, №18 (65), 2000.

Со дня гибели о. Александра прошло 10 лет, а ненависти к нему не стало меньше. В Москве и других городах то там, то здесь видишь, что в храмах беспрепятственно распространяют печатные издания с клеветой на погибшего свидетеля веры. А в официальных церковных журналах и газетах напечатать что-либо в защиту о. Меня, по моему, просто невозможно.

От имени митрополита Ленинградского Антония (Мельникова), умершего в 1986 г., упорно распространяется политическое обвинение, что о. Александр Мень - "постовой" сионизма в православии. Для тех, кто жаждет крови, этого достаточно, чтобы решить, что прикровенная санкция на убийство есть. Но как теперь проверить, действительно ли это писал сам митрополит? Один иеромонах разъяснял, что раз убийство о. Александра совершено рано утром по дороге в храм, это означает, что Бог сам остановил мерзкого злодея, чтобы он не служил свою гнусную литургию, а если бы его убили позже, то, значит, за веру. "Диакон всея Руси" Андрей Кураев заявил, что о. Александр "униат, т.е. католик, исповедующий католическую доктрину", и что "он ушел вовремя". Значит, о. Меня вовремя убили.

Примеры можно продолжать. Они свидетельствуют о давней ненависти, о лжи и клевете, невежестве и зависти, об изменах Евангелию. Как-то я услышал примечательную фразу, приписываемую одному уважаемому архимандриту, которую воспроизвожу не точно, а по смыслу: "Всем православным стоять по местам и ничего не затевать". Я не проверял, был ли такой "приказ" в действительности. Если где-то и был, то ясно, что он не от Бога. Но говоривший фактически признал, что русское православие в "аварийном" состоянии, что он суеверно боится, как бы не стало еще хуже, как бы не случился раскол из-за того, что кто-то предпримет какие-то реформы. Никаких обновлений, даже если они от Духа Святого.

Этот разъедающий страх, неизжитые исторические корни которого где-то далеко в никонианских событиях и Смутном времени, а готовность силой устранять неудобных явно от иосифлянских благословений казнить тех, кого надо объявлять еретиками.

Отец Александр прекрасно видел, до какого морального и интеллектуального убожества, до каких преступлений иногда доходят религиозные люди, когда они проникаются подобными настроениями. Они именуют себя ревнителями православия, но потеряли право на то, чтобы их признавали подлинными христианами. Ясно, что о. Александр, творчески одаренный служитель слова Христова, проповедник с пророческой харизмой, отвергался ими как чужой. Тогда при его жизни они хотели, чтобы его не было, а теперь хотят, чтобы его имя исчезло из памяти Церкви.

Но о. Александр никогда не называл их лжебратьями, личными врагами, с которыми нужно вести борьбу до победного. Никого конкретно не клеймил, а говорил только о врагах Христовых, каковых сводил к трем категориям: незаконный правитель, властолюбивый архиерей и фанатичный приверженец старины. Говорил также, что поддержку в Церкви часто получают фашисты. На требования тех, кто еще не обрел в Церкви евангельского духа или, что реже, сознательно изменил ему, он отвечал отказом. Отвечал делом своей жизни, не всегда идя на открытую полемику. И хранил верность принципам: "Ненавидеть грех, но не грешника" и "Отвечать на зло добром". Он терпимо и вдумчиво относился к тем людям, кто имел несчастье сделать неправильный выбор,

поддался страху и уступил чьим-то ложным идеям и требованиям. Никогда и ни о ком он не говорил как о человеке, совершенно безнадежном для Христова спасения.

Таков жизненный путь и крест о. Александра: уметь быть терпимым к людям вопреки гнетущей атмосфере озлобления и нетерпимости, которая была и остается в стране и Церкви. Уметь быть именно христианином не только в обществе, но и Церкви. Следовать евангельскому идеалу, т.е. полностью отдавать себя на служение Богу и ближнему и любить православие. Отец Александр Мень самым серьезным образом любил православную традицию без декламаций, но с пониманием и ответственностью. Если сравнивать, с какой болью, с какими бунтарскими вспышками шли на примирение с православием Соловьев, Булгаков и Бердяев, то о. Александр с ранних лет принял его с удивительной простотой и доверием сердца. Верность РПЦ вопреки всем грехам, которые творят в ней люди, - вот к чему он призывал своих прихожан из года в год. Призывал, давая образец в своей жизни и труде. "Оставить можно только труп", - не уставал он говорить сомневающимся. Но Церковь жива, Христос ее не покинул, грехи человеческие не преодолеют силу Божию, поэтому никто не имеет морального права ее бросать, особенно в трудные времена.

Недавний переход в католичество ряда довольно известных православных священников и мирян о. Александр Мень не стал бы одобрять. Он отнесся бы с пониманием к тяжелой ситуации, в которую был поставлен каждый из них, не осудил бы (пусть всех рассудит Бог), но не повторил бы их шага. Не одобрил бы и межконфессиональное зависание многих из тех, кто настроен экуменически, потому что неясно, где же их основные церковные обязательства и в чем на них можно положиться. Отец Александр заплатил жизнью за верность православию, за свою глубокую веру в то, что в нем до сих живы и смогут возродиться духовные силы, способные преодолевать узость благочестия, отвечать на вызовы мира сего и завоевывать человеческие сердца для Христа. Следует помнить, что каждая Церковь проходила свои периоды упадка и потерь, и не надо горевать, что нам довелось жить в тяжелые дни русского православия. Но кто бы и где бы ни хоронил христианство, потом оказывалось, что в нем есть силы для воскресения.

Эти силы дает сам Христос. "Я с вами во все дни до скончания века" (Мф. 28, 20) - эти завершающие слова евангелиста Матфея о. Александр повторял очень часто. Они несут огромный освобождающий потенциал для того, кто примет Христа всем сердцем и увидит, что Христос продолжает присутствовать и действовать как в русском православии, так и во всех Церквях, которые ему верны. И такой человек полюбит не только свою Русскую Православную Церковь, но и Римско-Католическую, и другие христианские Церкви. Но свою будет любить особой любовью. Это любовь беспристрастная, "без эмоций", любовь ответственная и жертвенная. На христианском Востоке ее всегда обозначали словом "агапе", а на христианском Западе - словом "каритас".

Трагичен путь такой любви - любви к России и русскому православию. Многие издевались над ней многие годы и в Церкви, и вне нее, и при его жизни, и после его гибели. Но убить эту любовь они не смогли. Верность и любовь о. Александра к русскому православию выражалась, в частности, в том, что он принимал его исторически сложившуюся богослужебную форму вместе с церковнославянским языком. "И мы не должны смотреть на те формы, которые нас не устраивают, которые кажутся нам устаревшими, как на нечто дегенеративное или же как на пережиток минувших веков. Мы должны на это смотреть как на одну из форм духовности". Именно в этих формах достигали святости великие русские подвижники и свидетели веры, поэтому никто не вправе относиться с презрением к консервативности православия. Именно в рамках этих форм он смог убедительно свидетельствовать свою веру и осуществлять труд, примиряющий человеческие сердца с Богом.

Христианам не следует уклоняться с этого нелегкого пути Христова служения в духе трезвой любви, потому что такова воля Божия: быть и служить там, где трудно, где неизбежен риск. "Вы понимаете, сейчас дуют очень холодные ветры, сейчас мир становится другим, - говорил он тогда без всякой "перестроечной" эйфории, - и многим хотелось бы сделать свою веру теплым прибежищем - убежищем от этого бурного и неуютного мира. Может быть, в этом и есть что-то справедливое. И все-таки вера нужна нам не как опиум, но дана нам как сила жизни, сила борьбы и сила упования, а не как еще одно анестезирующее средство". Наступает, говорил он перед падением коммунистической империи, очень нелегкое время для нашей Церкви, когда все, что таилось в тени, выйдет на свет публичности и мы увидим, кто чего стоит. И результат будет плачевный: вместо свидетельства живой веры мы, как он выразился, "дадим такого петуха", что лучше бы и не выходить из тени. 10 лет спустя после его гибели мы вправе сказать, что он имел в виду, разумеется, не только православных обскурантов с националистическим уклоном, которые многое сделали для дискредитации православия в глазах общества, но и христианских демократов, которые многих оттолкнули от себя тем, что презирают как "совков" не только воинствующих демагогов, но и просто традиционных консервативных православных и тем более нецерковных людей.

Не случайно обычные и высокообразованные люди тянулись к о. Александру. Они видели в нем человека, совершенно необычного для тогдашней советской жизни. Многие хотели стать похожими на него, поражались чистоте и ясности его веры и приходили потрудиться вместе с ним для Бога и Церкви. Так же было и в древнем христианстве, о котором о. Александр любил вспоминать. Древние христиане были убедительны прежде всего в том, каковыми становились они сами и их взаимоотношения между собой. Они объединялись не в приходы, а в общины, живущие полнокровно. Бог действовал в атмосфере этих общин, во взаимоотношениях их участников. Был дух общности во Христе, который более всего и привлекал, дух полноты церковной жизни.

Но чтобы обрести такую общину, нужно, во-первых, выработать в себе чувство принадлежности общине, а во-вторых, постоянно вкладывать силы в ее созидание. Любовь к Богу и ближнему - это труд души, нелегкий труд и ответственность при условии сурового отношения к самому себе и бережного и ответственного отношения к другому человеку. Это труд в русле дисциплины церковного послушания. Пастырский труд о. Александра в том и состоял, чтобы сборище отовсюду пришедших травмированных и амбициозных людей, выросших в условиях хамского и циничного безбожия, приобретало облик христианской общины. Он боролся за то, чтобы дух общности во Христе ожил и вновь вернулся в нашу приходскую православную жизнь.

Пастырский труд о. Александра Меня глубоко традиционен, он уходит корнями в апостольское Предание и в наследие отцов Церкви. Традиционен прежде всего по своим задачам возвещать Слово Божие, свидетельствовать, что в нашей Церкви присутствует и активно действует Сам Христос и Святой Дух, катехизировать тех, кто откликается на возвещение и свидетельство, крестить и воцерковлять крестившихся, вести их по пути духовного возрастания, созидать живую общину из тех, кто достиг зрелости веры и готов брать ответственность за церковное служение.

Все ли удалось ему осуществить из сказанного? Скажем честно - нет. Община не получилась. Интеллигентская тусовка, замешенная на религиозном индивидуализме, часто брала свое, и все хорошее держалось в основном на личных отношениях с самим священником. Не сформировалось ядро общины, группа активных прихожан, глубоко преданных друг другу, о. Александру и Церкви, которая задавала бы основной тон. Уходивших от о. Александра и из РПЦ было немало. Заметное их число покинуло страну. Кое-кто политизировался. А были и просто предатели. Холодные ветры делали свое дело.

Означает ли это, что о. Александр Мень неудачник? Нет. Стоит вспомнить для сравнения, сколь огорчали апостола Павла созданные им общины в Коринфе, Галатии и других местах. И все же апостол сам дал положительный итог своей жизни, когда сидел в

заклучении перед казнью: "Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь" (2 Тим. 4, 7). Так же и о. Александр исполнил волю Божию в рамках своей жизненной задачи, он посеял семена слова Божия на ту почву, куда был послан, а урожай соберет Господь.